

Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»

Н. В. МАШИНСКАЯ

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Реферат. Проблема законодательного регулирования процедуры примирения потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым до определенного времени была лишь предметом обсуждения в научной литературе. В то же время потребность государства в поиске мер, способных устранять последствия преступлений без применения ординарных уголовно-процессуальных процедур, актуализировала работу по внедрению в уголовное судопроизводство альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта. Учитывая настоятельную необходимость применения указанной процедуры на практике, Межрегиональный общественный центр «Судебно-правовая реформа» разработал и разместил на своем сайте проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». Для реализации процедуры примирения в уголовном судопроизводстве разработчики законопроекта предлагают включить в УПК РФ новую главу.

Автор статьи критически оценивает предпринятую попытку в силу противоречивости ряда новелл, их неопределенности и несогласованности с нормами уголовно-процессуального закона. Для устранения существующих недостатков предлагается предусмотреть отдельную статью, определяющую процессуальный статус примирителя, и включить указанную норму в гл. 8 УПК РФ. В качестве гарантии права потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на примирение рассматривается внесение соответствующего дополнения в уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие правовой статус названных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт; восстановление прав потерпевшего; уголовно-процессуальный статус.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Машинская Н. В. Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):362–367. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-362-367.

Analysis of the project “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation”

N. V. MASHINSKAYA

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk,
Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Abstract. The problem of legislative regulation of the procedure for reconciliation of the victim with the suspected, the accused until a certain time was only a subject of discussion in the scientific literature. At the same time the state's need to find measures that

can eliminate the consequences of crimes without the use of ordinary criminal procedures has actualized the work on introducing alternative methods of settling the criminal-legal conflict into criminal proceedings. Given the urgent need to apply this procedure in practice, the Interregional Public Center "Judicial and Legal Reform" has developed and posted on its website a draft federal law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Provide the Victim, Suspect, and Accused with the Possibility of Reconciliation." To implement the procedure for reconciliation in criminal proceedings, the drafters of the bill propose to include a new chapter in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

The author of the article critically evaluates the attempt due to the inconsistency of a number of novels, their uncertainty and inconsistency with the norms of the criminal procedure law. To eliminate the existing shortcomings, it is proposed to provide a separate article defining the procedural status of the conciliator and to include the specified rule in Ch. 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. As a guarantee of the right of the victim, suspect, accused to reconciliation, the introduction of an appropriate addition to the criminal procedure norms governing the legal status of the named participants in criminal proceedings is considered.

Key words: criminal law conflict; restoration of the victims rights; criminal procedural status.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Mashinskaya N. V. Analysis of the project "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation". *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):362–367. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-362-367.

В большинстве стран Западной Европы примирение потерпевшего с обвиняемым (медиация) рассматривается как альтернатива уголовному преследованию и наказанию. Признавая важную роль примирения в разрешении уголовно-правового конфликта, зарубежные теоретики и правоприменители единодушно исходят из концепции целесообразности уголовного преследования виновного и его наказания, однако законодательное регулирование медиации весьма разнообразно.

Так, в Англии медиация не регламентирована на законодательном уровне, хотя попытки урегулировать указанную деятельность путем включения новых правовых институтов не только в уголовно-процессуальное, но и гражданско-правовое законодательство предпринимаются. Во Франции процедура медиации закреплена в уголовно-процессуальном законе, а также подзаконных актах, дополняющих закон и предписывающих, кто вправе проводить медиацию между потерпевшим и обвиняемым. В голландском и бельгийском праве медиация представляет собой смежный уголовно-правовой и уголовно-процессуальный институт [1, с. 66–80, 92–98, 121–123].

Альтернативные процедуры позволяют снизить карательную роль государства за счет делегирования права разрешения уголовно-правового конфликта самим его участникам, что в итоге обеспечивает процессуальную экономию, гарантирует вос-

становление прав потерпевшего, принятие виновным ответственности за совершенное преступление. Несмотря на насущную потребность в реализации примирения по уголовным делам в отечественной правоприменительной практике, в действующем УПК РФ отсутствует регламентация указанной процедуры. Вместе с тем опыт отдельных регионов России убедительно демонстрирует необходимость законодательного регулирования с целью распространения положительных результатов в обозначенной сфере и обеспечения единообразия рассматриваемой деятельности на всей территории страны [2]. Многочисленные обсуждения в юридической литературе нового для отечественного уголовного судопроизводства института создали необходимую почву для дальнейших разработок, результатом чего стал законопроект, подготовленный Межрегиональным общественным центром «Судебно-правовая реформа», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» (далее – Проект).

Фактически Проект является первым документом, содержание которого составляет конкретное нормативно-правовое регулирование медиации по уголовным делам.

В положительном ключе следует отметить, что Проект не ограничивает возможность реализации процедуры какими-либо

условиями, в том числе категорией преступления, тем самым предоставляя широкие возможности для примирения участников процесса. По замыслу разработчиков, подозреваемый, обвиняемый и потерпевший вправе примириться на любом этапе производства по уголовному делу, самостоятельно определить условия примирения, конкретные действия, необходимые для заглаживания причиненного вреда. Такой подход увеличит вероятность восстановления нарушенного права потерпевшего, что далеко не всегда удается в ходе традиционных способов разрешения конфликта. В то же время предлагаемый порядок налагает на правоприменителя дополнительные обязанности по разъяснению права на примирение, оказанию содействия сторонам в его реализации. Учитывая, что результатом примирительной процедуры не всегда будет прекращение уголовного дела (за исключением уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести), можно предположить, что рассматриваемая новелла вряд ли будет положительно принята представителями органов предварительного расследования. В этой связи следует признать удачным предложение авторов Проекта о придании уголовно-правового значения заключению примирительного договора и его исполнению, в частности об учете результатов исполнения его условий при условном осуждении (п. 3 ст. 1 Проекта). Наряду с этим предлагается принимать во внимание наличие договора при избрании меры пресечения, других мер процессуального принуждения, а также при разрешении уголовного дела по существу (ч. 1 ст. 28⁷ Проекта). Вместе с тем документ выглядел бы более завершенным и целенаправленным, если бы одновременно предполагал внесение изменений в ст. 61 УК РФ, устанавливающую обстоятельства, смягчающие наказание. Такое регулирование, во-первых, стимулировало бы правоприменителя к выяснению намерений сторон примириться, что усиливало бы гарантии реализации права на примирение, поскольку обстоятельства, смягчающие наказание, входят в предмет доказывания по уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УК РФ) и подлежат обязательному отражению в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении) (п. 7 ч. 1 ст. 220, п. 7 ч. 1 ст. 225 УК РФ). Во-вторых, фактически была бы исключена необходимость принятия новой нормы, регламентирующей последствия примирения сторон (ст. 28⁷ Проекта).

Целесообразным и логичным представляется предложение разработчиков Проекта о включении в УК РФ формулировки понятий «примиритель» и «примирительная процедура». Как большинство уголовно-процессуальных терминов, их предлагается раскрыть в ст. 5 УК РФ (п. 29¹ и 29² соответственно). Заслуживает одобрения и сама формулировка предлагаемых категорий. Так, привлекая к участию в уголовном деле примирителя, следователь (дознатель), суд либо стороны будут ориентироваться на приглашение независимого от участников конфликта посредника, имеющего специальную подготовку по разрешению уголовно-правового спора. Вместе с тем в Проекте отсутствуют предложения относительно придания самостоятельного процессуального статуса примирителю, что, по нашему мнению, делает неопределенным его права и обязанности по отношению как к сторонам, так и к лицам, ведущим производство по уголовному делу. Наличие отдельной статьи, определяющей правовое положение примирителя, избавило бы от необходимости включения целого ряда норм, регламентирующих процессуальный порядок примирения по уголовному делу, позволило бы сэкономить нормативный материал, повысило бы внимание правоприменителя к процессуальной фигуре примирителя. Например, ч. 2 ст. 28³ Проекта фактически определяет права примирителя, указывая, что примиритель вправе получить сведения об обвиняемом, подозреваемом и потерпевшем, а также знакомиться с материалами уголовного дела в необходимом для участия в примирении объеме. Часть 2 ст. 28² Проекта закрепляет принципы, на основе которых примиритель обязан строить свою деятельность в рамках уголовного дела, а в ч. 3 указанной статьи содержится запрет на применение насилия, угроз, обмана и других незаконных действий в ходе примирения. Представляется, что указанные положения вполне могли бы образовать норму об обязанностях примирителя, например «примиритель обязан проводить примирительную процедуру на основе принципа конфиденциальности, добровольности, сотрудничества и равноправия сторон»; «примиритель не вправе применять насилие, угрозы, обман и другие незаконные методы примирения». Аналогичное значение имеет норма 28⁴ Проекта, регламентирующая участие примирителя в примирении сторон. В частности, в норме, определяющей процессуальный статус примирителя, можно было бы отраз-

ить правила о сохранении независимости примирителя от сторон и должностных лиц, ведущих производство по делу, содействию сторонам в выработке условий примирения, возможности посещать места содержания под стражей и медицинские стационары с целью проведения примирительных встреч. Права и обязанности примирителя целесообразно было бы предусмотреть в ст. 60¹ УПК РФ, разместив в гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Для обеспечения беспристрастности примирителя следовало бы перечислить в ст. 61 УПК РФ основания для его отвода сторонами и другими участниками, имеющими на это право, вместо введения предлагаемой Проектом нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 28⁴.

Отсутствие специального правового статуса примирителя порождает непоследовательность регламентации его участия, вносит противоречивость в оценку результатов его деятельности, приводит к несогласованности между предлагаемыми и действующими уголовно-процессуальными нормами. Так, ч. 3 ст. 28⁴ анализируемого Проекта предписывает примирителю сообщать в письменной форме должностному лицу о результатах своей деятельности путем направления заключения. Во-первых, нигде в законопроекте не устанавливаются форма и содержание заключения примирителя, отчего непонятно, что именно должно быть в нем отражено. В нормах Проекта речь идет только о примирительном договоре (ст. 28⁶). Во-вторых, не вполне ясно, какое процессуальное значение будет иметь этот документ, направляемый следователю (дознавателю) либо суду. Согласно действующему законодательству заключение является процессуальной формой результата деятельности эксперта или специалиста (ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ) и имеет доказательственное значение. Перечень доказательств установлен ч. 2 ст. 74 УПК РФ и является исчерпывающим.

Весьма противоречивым представляется предложение допрашивать примирителя по правилам допроса специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) в целях разъяснения представленного им заключения. В соответствии с ч. 2 ст. 28⁴ Проекта примиритель действует на основе конфиденциальности и не вправе разглашать сведения об участниках процедуры примирения. Кроме того, ч. 2 ст. 28⁷ Проекта однозначно содержит запрет на допрос всех участников процедуры примирения (включая примирителя). Для этого разработчики предлагают распространить

свидетельский иммунитет на примирителя, законного представителя, представителя, участвовавших в примирительной процедуре, путем внесения дополнения в ч. 3 ст. 56 УПК РФ (п. 4 ч. 2 ст. 28⁷ Проекта). Наконец, исходя из предлагаемой формулировки понятия «примиритель», данная фигура привлекается к участию в деле лишь для примирения сторон, и если буквально толковать норму, то выполнение каких-либо других процессуальных задач на нее не может быть возложено.

Для эффективной реализации процедуры примирения по уголовным делам крайне важно предусмотреть право участников уголовного процесса на примирение. Этой задаче посвящена ст. 28² Проекта, однако приведенные в указанной норме предложения более органично, во избежание дублирования и излишнего загромождения текста закона, включить в действующие нормы. Так, право, закрепленное в ч. 1 ст. 28² Проекта, вполне можно включить в нормы, определяющие процессуальный статус потерпевшего (ст. 42 УПК РФ), подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Например, в ч. 2 ст. 42 УПК РФ можно ввести п. 9¹, где зафиксировать право потерпевшего «примириться с подозреваемым, обвиняемым самостоятельно либо путем привлечения независимого посредника на любом этапе производства по уголовному делу, в том числе по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях». Здесь же можно предусмотреть, что с целью примирения потерпевший вправе заключить примирительный договор. Аналогичным правом следует наделять подозреваемого (п. 9¹ ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (п. 14¹ ст. 47 УПК РФ). Применительно к последним дополнительно необходимо закрепить право на свидание с примирителем без ограничения во времени, а в отношении обвиняемого также важно указать на то, что осуждение или оправдание обвиняемого не препятствует его примирению с потерпевшим и другими заинтересованными лицами (ч. 5 ст. 28² Проекта). Наличие права на примирение в нормах УПК РФ (наряду с включением в ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, наличие заключенного между подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим примирительного договора) корреспондирует с обязанностью следователя (дознавателя), судьи разъяснять потерпевшему, подозреваемому и обвиняемому такое право и содействовать его реализации. Сказанное вытекает из содержания ст. 11 УПК РФ, име-

ющей принципиальное для уголовного судопроизводства значение. Кроме того, любое следственное действие, осуществляемое следователем, дознавателем с участием потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, требует разъяснения прав, предусмотренных ст. 42, 46, 47 УПК РФ. В рамках сложившейся на данный момент практики следователи и дознаватели составляют протокол разъяснения прав подозреваемому, обвиняемому перед допросом указанных лиц. Добросовестное отношение к своим процессуальным обязанностям станет важнейшей гарантией реализации права на примирение заинтересованных участников. Ходатайство о применении процедуры примирения перечисленные субъекты вправе заявлять на общих основаниях, как и любое другое ходатайство, на любом этапе производства по делу. Привлечение же примирителя к участию в деле может осуществляться посредством включения в УПК РФ новой нормы – ст. 168¹ «Участие примирителя», которую можно сформулировать по аналогии с нормой об участии специалиста, предусмотрев, что следователь (дознаватель) при наличии желания сторон примириться обязан привлечь примирителя.

Целесообразность включения в действующий УПК РФ ряда норм, предлагаемых Проектом, весьма сомнительна. Например, не вполне оправданным видится предложение о приостановлении производства по уголовному делу для примирения сторон (ст. 28⁵ Проекта). Включение этой нормы нарушает логику законодателя, поскольку все основания для приостановления производства по делу, предусмотренные ст. 208 УПК РФ, связаны с невозможностью участия лица, действия которого расследуются (то есть подозреваемого, обвиняемого). В остальных случаях должна осуществляться активная правоприменительная деятельность. Сказанное относится и к судебному разбирательству, тем более что по правилам ст. 253 УПК РФ в подобных случаях оно откладывается. Указанная норма достаточно часто применяется, когда суд дает сторонам возможность предоставить доказательства состоявшегося примирения. Анализируемое положение не увязывается с принципом разумного срока уголовного судопроизводства, устанавливаемого как раз для соблюдения прав сторон на быстрое разрешение уголовно-правового конфликта (ст. 6¹ УПК РФ). Нелогичным с точки зрения уголовно-процессуального закона выглядит положение, предусмотренное ч. 4 ст. 28⁵

Проекта: оно позволяет в случае недостижения в установленный срок примирения и невыполнения подозреваемым, обвиняемым условий примирения без возобновления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства продлевать срок приостановления. Во-первых, непонятно, почему при наличии этих двух условий необходимо продлевать срок приостановления производства по делу. Если стороны за определенный, установленный, видимо, ими же самими срок не смогли согласовать условия и достичь примирения, то следует ли любой ценой добиваться данного результата, продлевая срок производства по делу и нарушая при этом другие нормы уголовно-процессуального законодательства? Во-вторых, продление срока приостановления не предусматривается действующим УПК РФ, поэтому неясно, должны ли стороны ходатайствовать о принятии такого решения, по чьей инициативе оно может состояться, в каком порядке его следует осуществлять.

Проектом предоставляется возможность примирения на любом этапе производства по делу. Как показывает практика, расследование одноэпизодного уголовного дела осуществляется пять-шесть месяцев, а уголовного дела о тяжких и особо тяжких преступлениях – девять-десять. Как правило, еще несколько месяцев длится судебное разбирательство. Таким образом, разрешение уголовного дела по существу происходит отнюдь не быстро, что исключает необходимость приостановления производства для решения вопроса о примирении сторон, так как реальная возможность для выражения соответствующего волеизъявления сторон обеспечивается.

Отдельного осмысления требует правовое регулирование случая неисполнения условий примирительного договора, особенно тогда, когда производство по делу окончено, а обязательства, предусмотренные договором, еще не выполнены (ч. 3 ст. 28⁶ Проекта). Сомнения в необходимости этой нормы возникают потому, что, соглашаясь на проведение примирительной процедуры, стороны принимают решение по самостоятельному урегулированию вопросов, в разрешении которых они лично заинтересованы. Должно ли государство в лице его уполномоченных органов гарантировать исполнение обязательств, принятых на себя сторонами добровольно? Принимая во внимание то, что наличие примирительного договора Проект предлагает учитывать

при принятии процессуальных решений уже в стадии предварительного расследования, можно предположить, что его условия хотя бы частично должны выполняться в ходе производства по уголовному делу.

Определенная сложность в регулировании вопросов исполнения примирительного договора возникает, когда обвиняемый во время предварительного расследования находится под стражей, а затем осуждается к лишению свободы. В такой ситуации существенно снижается возможность заглаживания вреда, причиненного преступлением, что ставит осужденного в неравные условия с лицом, остающимся на свободе. Неясность возникает относительно того, кто будет контролировать законность обязательств, принимаемых примирительным договором. По замыслу разработчиков Проекта, примирительный договор не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону (ч. 1 ст. 28⁶). Ответственность за законность производства по уголовному делу несет следователь (дознатель) и суд, которые не являются участниками примирительной процедуры и контролировать законность принимаемых на себя сторонами обязательств не могут.

Таким образом, анализируемый Проект не вполне удачно регламентирует процедуру примирения потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, допускает рассогласо-

ванность норм уголовно-процессуального закона, порождает дублирование правил, не дает исчерпывающего ответа на возникающие в процессе применения вопросы. В то же время социальное значение медиации в уголовном судопроизводстве однозначно позволяет сделать вывод о том, что было бы неправильным вообще отказаться от идеи законодательного регулирования примирения по уголовным делам. Осуществлять такую работу необходимо при соблюдении правил экономии нормативного материала, разумного использования имеющегося порядка производства по уголовному делу, соблюдении юридической техники.

Представляется, что совершенствование уголовно-процессуального законодательства в этой части должно происходить за счет внесения соответствующих дополнений в процессуальный статус потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, разработки специальной нормы, определяющей процессуальный статус примирителя и порядок его участия. Это позволит избежать необходимости включения в УПК РФ главы 4¹ и целого ряда других норм, предлагаемых Проектом (например, об изменении редакции ст. 267 (п. 9), 268 (п. 10), дополнении ст. 271 (п. 11), ст. (п. 12)), а также внесения изменений в федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 3 Проекта).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2002. – 542 с. – ISBN 5-94201-118-4.
2. Современное состояние и пути развития уголовной политики : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (31 мая – 1 июня 2019 г.) / под общей редакцией Н. Ю. Скрипченко, Я. А. Корнеевой. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2019. – 298 с. – ISBN 978-5-261-01408-9.

REFERENCES

1. Golovko L. V. *Al'ternativy ugovolnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. St. Petersburg, 2002. 542 p. (In Russ.).
2. Skripchenko N. YU., Korneeva YA. A. (red.) *Sbornik mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati professorov V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurtsova «Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugovolnoj politiki»* [Collection of the international scientific-practical conference dedicated to the memory of professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov «Current state and development of criminal policy»]. Arkhangelsk, 2019. 298 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА МАШИНСКАЯ – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

NATALYA V. MASHINSKAYA – Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru